

Дюков А.Б.

Оренбургский государственный университет

«САМООПРЕДЕЛЯЮЩИЙСЯ (ЧЕЛОВЕК)». ПРОБЛЕМА ОЗНАЧАЮЩЕГО

Статья посвящена рассмотрению «человека самоопределяющегося» с различных позиций современной философской антропологии. «Самоопределение» мыслится автором этической, ценностной установкой, позицией, настроенной на акт чистой совести, на искренность суждений и высказываний, желаний, позывов, обнаружения пристрастий и привязанностей, обнаружения ангажированности и влечения.

Тематическим предметом здесь будет означающее, лексема, терминообразующий эпитет. «Самоопределяющийся». Что это перед нами? Если это симулякр, в постструктуралистском бодрийро-делево-дерридианском смысле, то задачей становится определить его степень (классификационную, порядковую) и смысловую «интенционным» обнаружением выхваченную сущность, маркировать его генезисные стадии посредством онтоотнесенности каждой с прилегающей (примысливаемой) ей спецификой (градационной); это, пожалуй, и все. Есть ли это симулякр? Нет. Для того чтобы произвести хоть сколько-нибудь адекватный номинатив для обозначения *такого* слова (в культурно-историческом, относительно практики производства категорий, смысле), необходимо произвести посильный морфолого-семантический анализ единицы (как знака, оформленного вербально). Прежде всего наметим грамматические парадигмы. Здесь для анализа мы имеем несколько ступеней, следующих из морфологических сочленений лексемы, являющей собой сложное (структурное) образование. Так и выделим графически: *сам – (о) – о-предел – [яющий] – ся* [1]. Для начала зафиксируем свои переживания, ощущения (от знака) в сфере логоперцептивной. Что за семантическая аура у этого слова, если форма презентации звуковая; каков контекст и первичная семантика? Скорее всего, это должно «нести в себе» заряд чего-то маскулинного, волеизъявленного, позитивного, зрелого, отмеченного стадией «самосознания» (в этом слове тоже «не все в порядке», часть

«само-» – лишняя, тавтологийная), полноценного, социально и психически свободного, достойного и самодостаточного и т. п. Но что как мы пристальнее всмотримся (вслушаемся) в структурообразующие части лексемы как в семантически самостоятельные, полноплановые: *-сам(о)-, -(о)предел-, -ся-?* В полной форме интонационное ударение приходится на две позиции (из которых второе – основное, а первое – добавочное): *самоопределяющийся*. В русском подвижное ударение не редкость, причем и в формально-грамматическом проявлении и в акцентированно-семантическом (функционально-дифференцирующем, как в случаях с омографией). Сместим в отдельно взятой первой морфеме ударение на второй слог: *само* [2] – и опять мы имеем два (как минимум) варианта семантико-парадигматического отнесения (прочтения, осмысления, узнавания). Первый – грамматологический – являет нам означающую форму, например, субъекта действия: средний род, единственное число («оно *само* собой свершилось»), второй – зашумит в голове тысячью наслоений, культурных пластов, здесь он (смысл) стратифицирован, гетероморфен, он – от Древнего Востока и Античности – до Лосева А.Ф. («самое само»): «Самое главное – это сущность вещей, самость вещи ее самое само. Кто знает сущность, самое само вещей, тот знает все. Самое главное – это знать не просто внешнее и случайное, но знать основное и существенное, то, без чего не существует вещи. То, что пребывает в вещах, а не просто меняется и становится, – вот к чему стремится философия,

1 *Само-о-предел-[яющий]-ся*: в квадратных скобках дана часть слова, не представляющая для нас в данном случае интереса, происходящего от других (не заключенных в скобки) морфем при последующем семантическом анализе.

2 *Само* – может возникнуть вопрос, имеем ли мы право на это (?), ведь в этом случае, как может показаться, мы имеем дело с другим словом, так как в слове самоопределяющийся выделенное «о» – соединительная гласная (на стыке местоимения *сам* и слова *определять*), а в слове *само* (при смещенном ударении) «о» становится флексией, указывая на средний род местоимения (начальная форма *сам*). Но что есть человек, этот самый *сам*? Неужто нас можно помыслить как нечто качественно и структурно однородное? Вот и сдается нам, что якобы изменившееся слово ничего не решает, то есть не изменяет смысла, но, возможно, даже заостряет внимание на форме, уточняет семантику: *нечто* в нас, способное к определению (нас самих же; если мы вообще допускаем такую возможность, занимаем такую позицию), не являющееся целиком нами, а только частью структуры (мыслимой), свойством нас, как нельзя лучше обозначается местоимением среднего рода *само*, рефлексированным и стяжаемым с этим самым *нечто*, образуя семовую пару *нечто/само*, функционально способную к взаимозамещению.

и сама жизнь. Однако что же такое сущность вещей? Что же такое вещь, именно *сама* вещь, то в вещи, что не сводимо ни на что другое, ни на какую другую вещь, что есть только она сама, самая сама и ничто другое?» [3]. Может быть, эту часть (*само-*) полной формы слова («самоопределяющийся») следует прочесть именно в таком смысле, в смысле вышеприведенной цитаты? Тогда мы рискуем заблудиться в ходе размышлений в бесконечных лабиринтах «субъектно-объектных отношений», всякий раз перераспределяя *что есть что* в данный момент (или, в качестве разнообразия, – *что есть кто, кто есть что*), или, чего доброго (?), нам потребуется атрибутика страдательного залога, это тогда, когда «само» будет определять (нас): само-определяемый, само-определенный, само-определимый. В общем, проблема налицо (некогда: *на лицо, на лице* – почему бы и нет?). Продолжим. Морфема и, теперь, лексема – *предел*. Обратимся сразу к эху времен (практик, персоналий, отеческого, культурогенного) или к тому, что Деррида Ж. называет «след». Перед нами явно метафизическая категория, и как ей и подобает, обросшая вековыми интерпретационными, экспликативными, презентативными и проч. значениями и «фурнитурой» классической философии. Кому отдать предпочтение, античным? Декарту? Канту? Гуссерлю? Сартру? Делезу?... По большому счету (я предполагаю возможные протесты) предел – это всегда *вовне*, и *во-* и *вне-*, но слитно и воедино, здесь субъект всегда детерминирован, если и не вчистую – референтом или означаемым – то, по крайней мере, отношением, возникающим, имеющим место между «я» и «не-я», субъектом и объектом, «Я» и «Другим» и т. п., всегда это *что-то* (реальность, феноменологическая фактурная фикция или еще что-либо) определяется (размещается) вне «*cogito*» (или «*contra cogito*»), не есть *ego* импульс и течение. Уже, как может показаться, крепко сливаются в едином семантическом и онтологическом ключе «само» и «предел», предел, который есть одно из условий, фон (обязательный в степени, зависящей от концепций, позиций «-изма»), неизбежное существования и неотъемлемое мышления. О-предел(-ить) – как это? Снабдить пределами? Данностью и неизбежно при-знать и обозначить

их? определенным образом экзистенциально усмотреть форму ангажированности себя ими? Включить в реестр актива материализма? Что бы (и как бы) то ни было – отдать им должное (вот тоже еще фигура речи) необходимо и со всей скрупулезностью исповедуемого метода учесть, дать место в концепте, в «плане имманенции» [4], в системе (структуре-в-действии, или длительности). По сути дела, вся история познания и есть разговор о пределах и из их природы вытекающий. В общем, что-то нас да «обуживает» (и не в рыболовном состязательном смысле)... Куда, куда бежит смысл, тот самый первичный смысл из благонамеренного слова, так легко явленный нам вначале, так просто, оптимистично, бодро даже, с этакой пубертатной улыбкой на ясном, без причуд, лике расхожей семантики постсимулякризированной стадии языка (стадии генома языка)? Дальше – больше. Дошла очередь до *-ся*. Ну что же, возвратный суффикс и только. Что он возвращает? «Интенцию», а еще – акт. И куда? Точнее, на кого или кому? – все тому же пресловутому субъекту...

Книга переведена как «человек играющий» [5], играющий – причастие, форма глагола *играть*, в русском глагол *играть* – переходный (несмотря ни на что), требующий у существительного (объекта) винительного падежа без предлога или, в иных случаях, родительного, это помнят все со школы. Во всех других случаях переходность семантически разлита; облаком, ореолом, аурой присутствует в синтагматических конструктах, при этом глаголе она неотъемлема, как, например, в конструкциях: *играть чем-то* или *во что-то*, предикативность (срашенность) этих модальных по сути *чем-то* и *во что-то* очевидна, здесь мы имеем дело с редуцированной формой, с видом неполной синтагматической оформленности, т. е. всегда существует то, *что* играют *чем-то*, или то, *что* (*и как*) играют, играя *во что-то*. Эта метафизическая, генетическая переходность глагола *играть* примерно такого же свойства, как и глагольность (семантически обязательная, генетическая) в односоставных по грамматической форме предложениях в русском языке, о которых говорит Л. Витгенштейн в «Логических исследованиях» [6]. Значит это следующее: если

3 См. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999, с. 425.

4 См. Ж. Делез и Ф. Гваттари. Что такое философия? – М.: Инст. эксп. соц-гии, Спб.: Алетейя, 1998, с. 48-79.

5 Имеется в виду книга: Хейзинга, Йохан. Homo Ludens, переведенная (и изданная) как «Человек играющий». Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.

мы употребим слово *играющий* со словом *себя* (каковое является полной формой редуцированного *-ся*, ставшего морфемой), то смысл подобного выражения может быть только одним – фигуральным. Это «*-ся*» не очень-то жалуют мэтры отечественного языкознания, по причине витающего над ним облачка просторечного происхождения он (возвратный суффикс *-ся*) является малопродуктивным и сравнительно редкоупотребимым в словообразовательных и формообразовательных процессах. «*Играть*» (кроме случаев, о которых речь ниже) всегда будет носить *ролевой* смысл в пределах семантического горизонта употребления и понимания, это всегда акт, совершаемый с чем-то (в предметном смысле, иначе: над чем-то) и с чем-то в согласии (правила, порядок, алгоритмы и т. п.), это всегда – функционально и актуализовано. Но существуют еще и *играться*, *играюсь*, *играешься* и т. д. с единовременно существующей образной реальностью, которую они призваны обозначить. Младенца в коляске занимает набор разноцветных ярких погремушек, нанизанных на шнурок, закрепленный по бортам первого в его жизни ландо, он шлепает по ним ладошкой, – те кувыркаются с шумом, одним словом, он забавляется, он занят, он *играется*. Сам с собой. Он никогда не играет что-то (?) (если не пред-полагать за этим глубинного эйдотически обеспеченного смысла), не исполняет, не совершает (по крайней мере мы не знаем – *что*). Такое имеет свойство проецироваться в будущее взрослое бытие, но там уже другие игры; взрослый, если и *играется* (а не играет), то он ангажирован, он играет(-ся в) игру, по правилам, независимо от природы их (правил) происхождения... В слове «*определяться*» и в слове «*играться*» должен наблюдаться один парадигматический тип и функционально-подобные поля, т. е. о-пределять, обзавестись, так сказать, пределами, как мы говорим: «обналичить, обилетить, обложить (подушками, кирпичами, ненормативной лексикой)»; но для того, чтобы «использовать» известные пределы таким образом – *о-пределиться*, – необходимо и обязательно иметь их как непреходящее, вечное, всегда находящееся «под рукой», одним словом, первичное по отношению к себе. Оче-

видно, так оно и есть, «мир является нам уже написанным» (Р. Барт). Тогда где же тот, верхний, слой смысла слова «*самоопределяющийся*», где акт волеизъявления, нечто нищенское или «гордо-нахальное (как все, чем занимается философия)» [7]? Теперь от «*человека самоопределяющегося*» веет чем-то зловещим и фатальным, да еще с какой-то тенью трагедийности эдиповой слепоты, неведения, с которыми мы «само-о-пределяемся», не совладав с провидением (или предсказанием?).

Вернемся к пределам. Если действительно человеку свойственно их понимать и вос-принимать как (или через) нечто внешнее и реально существующее или как у поэта: «<...> как невидимые пределы разграничивают пространство, и ничто этих черт запретных не осмелится пересечь» (М.К. Щербаков), то, в самом деле, не правильнее ли было бы формулировать это действительно в форме страдательного залога; это они, разными способами (?) давая нам знать о себе, о-граничивают и о-пределяют нас; и можно ли в этом смысле вполне «самоопределиться», если иного определения, чем «*объективные*», для них (пределов) не определить, ну в крайнем случае (что нам больше нравится) – *предстоят(-ельны)*? При всех эвристических усилиях в любую «сторону» вряд ли мы отыщем «основания» для обеспечения референциями нашего слова, если, конечно же, не обратимся к следующему: обреченные на неудачу попытки обеспечить, так сказать, «материально» наше означающее, положить (отвести) ему «*реальное*» семантическое поле, объявить его предметность (означаемое) через «*реальные*» отношения сил, через физис – еще не означают невозможность никакой «реальности», никакого обеспечения, никакого семантического поля (ведь слово-то существует, каким-то образом привлечено к существованию!), а означают лишь то, что означающее, предметность означающего – другой природы, так сказать, рукотворной, это означающее второй степени условности, оно – антропогенно и человеком же выпущено в жизнь среди людей; генезис его, скажем, психического свойства (чтобы не сказать – невротического) и имеет свою историю, проходящую диаграммой, сопутствующей истории

6 «(В русском языке вместо «Камень есть красный» говорится «Камень красный»; ощущают ли говорящие на этом языке отсутствие глагола-связки «есть» или же *мысленно* добавляют ее к смыслу предложения?). Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Изд-во Гнозис, 1994, с. 88.

7 Окациональный эффект принадлежит автору приведенного высказывания (имя нарочно не указано), имевшему, как я полагаю, целью охарактеризовать пафос, с которым «гений роет во всех направлениях» (еще один мастер слова, имя не указываем), но нечаянно переименовавшему философию то ли в маргиналоведение, то ли в софологию.

западноевропейского человечества, начинаясь, возможно, где-то в Средневековье; и если поставить цель конкретизировать указание, то можно было бы в качестве первой фурнитурной детали определить существо понятия «личность», вот где-то там, далеко, было заронено и произошло. Но мы исследовательской задачи себе не ставим, а по возможности пометим комплекс претензий, прав и возможностей, – модусов (некоторых из них) жизнеспособности нашего означающего. Этимология слова «самоопределяющийся» предполагает альтернативное (или вариативное) лексическое (морфологическое) конструирование, т. е. первая часть сложного слова своей акцентацией предполагает и иные семантические (морфологические) включения на его месте, в том числе и антиномийные; следовательно, мы имеем дело со словом (формой) избирательной семантики, дифференцирующим, локализуемым из общего поля семы «о-предел(-ять)» узкий семантический коридор, смысл которого – указать на один из (возможных) многочисленных способов «определения», а именно – «само-», тогда как простейшей (по образованию) прямой антиномией будет «не-само-». Очевидно, общее заглавие темы конференции и предполагает, что развитие, разработка этой темы (с подобающей спецификой вектора и пафоса) должны вестись именно в этом аспекте – в дифференцировании проявлений и смыслов двух антиномийных форм и якобы стоящих за ними сущностей явлений (онтологических). Взяв на себя смелость объявить, что попытка обеспечения значимостями «самоопределения» есть попросту сотворение мифологии, или мифотворчество, назовем некоторые составляющие такого рода креаций. Прежде всего это продолжающаяся абсолютизация и фидеистическое воспевание картезианского «*cogito*», причем в неоправданно произвольных опусах-интерпретациях, в которых декартовское основание превращено из фундамента для начал философии чуть ли не в теологическое основание или категорию. Ставка на целостность, самодостаточность и самоценность мышления неизбежно будет приводить к безвыходности солипсизма, из него же вырабатывая и определяя все детерминанты, весь инструментарий построения суждений и резюмирующих заключений, замыкая концепцию саму на себя в «дурной бесконечности» предвосхищения «оснований» и «принципов». Как не чисть логику от разностепенных (уме-

ренных, крайних и проч.) эмпиризмов, а приходится, в конце концов, искать разрешений в построении нового арсенала концептов, что и делает поздний Э. Гуссерль все последующее время после изготовления «Логических исследований». Другим немаловажным фактором, обеспечивающим жизнеспособность «нашего» означающего, привлекающим к нему долговременные и непреходящие симпатии, является пресловутая «специфика национального сознания», имеющая, однако, в отличие от «нашего» означающего, в своих референциях немнимую реальность. Такая трогательная в своем постоянстве любовь к «само-определению» (порожденному, кстати, не российской ментальностью) восходит, как это ни прискорбно, к некоему комплексу неполноценности (причины которого, как водится, принято усматривать в историческом прошлом; Гумилев Л.Н. и др.), «работающему» по принципу возмещения недостающего, компенсаторно (у кинологов есть термин «комплекс маленькой собачки», которым обозначают специфику (невротичность) мировосприятия и поведения животного). Народ, века претерпевающий насилие, привыкший к тому, что судьбой его постоянно распоряжаются, выпестовал и лелеет «самоопределяющегося», как сладкую грезу, самозабвенно простирая, выстраивая и возделывая эту *Utopia*; что ж, быть может, это и есть наш «свой сад». Еще к факторам, действительно участвующим в жизнеобеспечении понятия, следует отнести специфику русской философской традиции, уже, можно сказать, века культивирующей парадигму «духовности» (во всех модусах ее проявлений, вплоть до неистового богостроительства), слова, которое в российских же словарях закреплено только за одним значением, – как нечто, имеющее отношение к богу, церкви, духовенству и т. п. Очевидно, можно было бы сгладить острые углы в этом самом «историческом прошлом» конкретизирующим указанием на события 1917 года и их последствия как на основное событие, причину, но наша склонность видеть в самих «социалистической революции» и последующей «эпохе построения коммунистического строя» следствие, а не причину, не позволяет сделать этого. Перечень дурманов, галлюцинаций, самообольщений, упований, грез, фантазмов и прочей симптоматики как причинных факторов мог бы быть продлен, или, как у поэта: «...можно продолжать перечислять, но недосуг» (М.К. Щербаков), однако во всех смыс-

лах будет лучше, если для конечного «раз-облачения» «самоопределения» мы обратимся за помощью к великим (что позволит объяснению быть эффективным и при том лаконичным) – к Лакану Ж. (в интерпретации Косикова Г.К.) [8].

«По Лакану, «мир» для ребенка в первую очередь отождествляется с телом Матери и персонифицируется в нем, а потому выделение из этого мира (отделение от материнского тела), образование субъективного «я», противопоставляемого объективированному «не-я», оказывается своего рода нарушением исходного равновесия и тем самым – источником психической «драмы» индивида, который, ощущая свою отторгнутость от мира, стремится вновь слиться с ним (как бы вернуться в защищенное материнское лоно). Таким образом, первичной движущей силой человеческой психики оказывается *нехватка*, «зазор», который индивид стремится заполнить. Это стремление Лакан обозначил термином *потребность* (le besoin). Сфера недифференцированной «потребности», настоятельно нуждающейся в удовлетворении, но никогда не могущей быть удовлетворенной до конца, и есть *реальное*. «Реальное» властно заявляет о себе в каждый миг существования индивида (в этом смысле оно всегда «здесь»), но вместе с тем находится по ту сторону всякой рациональности и потому не может быть уловлено ни в процессе психоаналитического сеанса (Лакан выводит «реальное» за пределы научного исследования), ни в процессе субъективной саморефлексии: оно «вне игры».

Воображаемое. По Лакану, это тот образ самого себя, которым располагает каждый индивид, его личностная самоидентичность, его «Я». <...> Важнейшая функция «воображаемого» – психическая защита индивида: «воображаемое» подчиняется не «принципу реальности», а *логике иллюзии*: оно создает такой образ «Я», который устраивает индивида и играет экранирующую роль как по отношению к объективной действительности, так и по отношению к тем образам этого индивида, которые существуют в сознании его партнеров по коммуникации – «других»; в этом смысле «воображаемое» есть область «незнания», заблуждения человека относительно самого себя. Недифференцированная «потребность», характеризующая уровень «реального», будучи спроецирована в сферу «воображаемого», конкретизиру-

ется в форме (le désir) *желания*, управляемого принципом удовольствия / неудовольствия и ориентированного на эмпирические объекты. При этом диалектика «желания» такова, что его удовлетворение (например, утоление жажды) приводит к исчезновению самого желания, то есть первичного жизненного импульса; такое удовлетворение равносильно смерти, поэтому для поддержания жизни необходимо возникновение все новых и новых объектов желания. Однако подлинной потребностью человека является, по Лакану, не само по себе стремление к овладению этими объектами, а стремление к слиянию с миром: слиться же с миром – значит получить признание с его стороны, быть любимым (хвалимым и т. п.) другими людьми (так, ребенок, выпрашивающий у матери сладости, на самом деле требует ее внимания, ласки): подлинное желание человека состоит в том, чтобы другой его желал, в нем нуждался и т. п.; он хочет сам быть «объектом», которого не хватает партнерам по социальной коммуникации, хочет быть причиной «желания» с их стороны (см. Lacan J. Ecrits P.: Seuil, 1966, p. 181, 268). Таким образом, выявляется принципиальная зависимость индивида от окружающих его людей, обобщаемых Лаканом в понятие *Другого*, носителя «символического».

Символическое. По Лакану, это совокупность социальных установлений, представлений, норм, предписаний, запретов и т. п., которую ребенок застает готовой при своем рождении и усваивает по большей части совершенно бессознательно; «символическое», будучи «порядком культуры», выполняющим регуляторную функцию, как раз и персонифицируется в фигуре Другого или Отца, поскольку именно через Отца ребенок впервые приобретает навыки культурного существования, то есть усваивает социальный Закон. «Символическое» – это область сверхличных, всеобщих, социокультурных смыслов, задаваемых индивиду обществом; это, следовательно, область *бессознательного*. Отсюда – радикальный пересмотр Лаканом классического понятия «субъекта». Если в рамках картезианской традиции «субъект» рассматривался как некая субстанциальная целостность, как суверенный носитель сознания и самосознания и как ценностная точка отсчета в культуре, то, по Лакану, напротив, *субъект* предстает как функция культуры, как точка пе-

8 Лакан, Жак. Цитируется по Косикову Г.К. в книге: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994, с. 588-591.

ресечения различных символических структур и как точка приложения сил бессознательного: не культура является атрибутом индивида, а индивид оказывается «атрибутом» культуры, говорящей «при помощи» субъекта; сам же по себе «субъект» есть «ничто» (rien), некая «пустота», заполняемая содержанием символических матриц. Отсюда – постоянное взаимодействие между субъектом как носителем культурных норм и «Я» как носителем «желания», то есть между «символическим» и «воображаемым». «Символическое» стремится полностью подчинить себе индивида, тогда как задача «Я» состоит в том, чтобы, используя топосы культуры, создать с их помощью собственный нарциссический образ, то есть, подставив «Я» на место «субъекта», создать себе культурное алиби. Тем самым уточняется понятие бессознательного: бессознательное, по Лакану, это «речь Другого», но это такая речь, которая постоянно редактируется «воображаемым»: «Бессознательное – это глава моей истории, которая отмечена пробелом или обманом, это глава, подвергшаяся цензуре» (Lacan J. Ecrits P.: Seuil, 1966, p. 259), – вот то значимое пространство, где (и каким образом) происходит так называемое «самоопределение», которое вовсе не «само-». «Самоопределение» – не есть в прямом смысле волевой, интеллектуальный, интенциональный акт, оно, так сказать, *само собой* происходит, потому как не можем мы объяснить, охватить все то, что (и как), став и продолжая становиться комплексом, структурой, нами, в форме реагентной активности, избирательной активности, определило нас, обеспечило пределами, даже если бы и пустились в перечисление составляющих становления, которые на сегодняшний день зачастую мыслятся и исчисляются как реальные причины, составляющие (что-нибудь из генетики, воспитания, событийно-биографического ряда и проч.). Волевой акт – наши порывы, устремления – это просто движение, вызванное тяготением к *удовольствию*, желанием, или движение (бегство) от *неудовольствия*; в этом смысле волевой акт как поступок, как так называемое «самоопределение», как целеустремленность и прочее – (есть) просто *расходование* себя (в значении: изнашивание), и если это самое *расходование*, не-обходимость,

неизбежность которого неоспорима, есть абсолютный имманентный фактор, момент всего сущего, то поле, производящее антиномии, противоречия, альтернативы, оппозиции и т. п., находится вне этого фактора, а именно – в разумении и избираемости (предпочтениях) способность *расходования* себя (а подчас и не только себя), т. е. это поле нашего сознания; «ваше Я, которое вы воспринимаете якобы внутри поля ясного сознания в качестве единства этого последнего, как раз и представляет собой то самое, перед лицом чего непосредственность ощущения оказывается под угрозой. Единство это вовсе не однородно с тем, что происходит на поверхности вашего поля сознания, которое само по себе нейтрально. Именно сознание как физический феномен угрозу и порождает». Отсюда и становится ясным, что «Я – это чистой воды объект» [9].

Конечно, слово (любое слово, в том числе и «наше» означающее) может иметь (требовать для себя) и другой, не экспликативно-когнитивный, а ницшевский смысл, предполагаемый ответом на вопрос, «...лежащий в основе всего: «Что это для меня?»» [10], то есть другими словами, развернув это (установку на восприятие знака) иначе, – смысл риторический, поэтический, – *пафос* суждения, оценки. Если мы принимаем установку благословить, огрузить и заставить работать «наши» означающие («самоопределение» и «самоопределяющийся»), то мы тем самым помещаем себя в пространство, не терпящее никакой (формы, степени, модуса) редукции, напротив, пространство это полагает такое восприятие символа (как определенной ипостаси Знака), при котором «символ – это не образ, это сама множественность смыслов», [11] такое *чтение*, при котором не только не может иметь место никакая редукция, но и сам дискурс перестает быть собственно дискурсом, дискурсом в буквальном смысле слова; это пространство, уже глубоко означенное Витгенштейном, носит название «языковых игр» экзистенциально синонимичных «формам жизни» (его же). Что это для нас значит? Это значит, что мы теперь (приняв такую установку) находимся в зоне необозримых гигантских парадигматических столбов, бездонных спелеологических провалов, неиссякаемых лабиринтов, чер-

9 См. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 1999, с. 75.

10 Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. IX. – Московское книгоиздательство, 1910, с. 262.

11 Барт Р., там же (см. прим. 6). Критика и истина, с. 350.

ных дыр символического макрокосма и неисчерпаемых приисков синтагматических самородков; если опустить тропы, то попросту – в зоне полисемантизма, в обители Текста. Почему бы нам не перестать преследовать истину обреченную, истину когнитивную и не обратиться к истине прагматичной, заключающейся в том, что истиной полагается то, что в данный момент, в данном месте считается (или вынуждено считаться) истиной? В нашем случае – это действенность знака и вожделение, желаемость дискурса (Текста, «который должен дать мне доказательство того, что он меня желает.» [12], способного доставлять удовольствие (независимо от тематической и проблемной отнесенности письма).

Но прежде чем будет предпринята попытка доставить это самое удовольствие, необходимо оговориться о самой сути того, что предстоит сделать, о возможных гарантиях, о технике, алгоритмах успеха (если таковые вообще возможны), о поле и структурной сфере (производства и приложения) удовольствия, или всего того сложного сгустка ощущений, который мы будем так называть. Само собой разумеется, что не может быть какого-то общего, всех удовлетворяющего понимания и экспликации удовольствия, удовольствия от чтения, «удовольствия от текста». Предлагаю в качестве пусть не критерия, а показателя, наиболее общего, разумею интерес, вызванный текстом у читателя, а равно синтаксическое, лексическое, фонетическое, короче, любого рода вербальное удовлетворение (понимаемое длительно, протяженно). Удовлетворение здесь не следует понимать как только нечто положительное в эмоциональном резонаторе субъекта, как нечто умильно-благостное, но как удовлетворение полного спектра запросов (вожделирующих интенций), от сладостного блаженного восторга, восхищения, умиления – до сатисфакции всего того, что до недавних пор носило в оценках человечества характер негативный, если не перверсивный, как то: садизм, мазохизм, меланхолия, всевозможные обскурантизмы и фрустрации и многое, многое другое. Я нарочно исключил из перечисленного интерес к «собственно информации», фактуальности, т. к. по-

лагаю такое словосочетание невразумительным, поверхностным и ничему не служащим, не функциональным, даже профанирующим (об этом речь еще впереди).

Если утвердить второе значение «самоопределения» (вернее самому в нем утвердиться как в установке, в семантической тональности) таким, чтобы – со всей степенью условности и самого слова (его терминообразующих обеспечений), и процесса, который оно призвано обозначить, – понимать, принимать за ним смысл некоего волеизъявления, произвола референциации, обозначений (т. к. речь идет только о письме) самости или того, что в простоте можно было бы назвать некоторой свободой, то это второе значение стратегически, с учетом тематической заданности сборника, я определяю для себя основным и питающим пафос всего последующего. Можно сказать «да», допустить «самоопределение», но только фигурально, вот именно, не иначе как разумея под этим номинатив определенной (большой) степени условности, привлеченный обозначить сложный комплекс ощущений: от интенциональной патетики, гордости, возвышенности и чувства собственного достоинства, значительности – до индифферентного самодовольства, жлобства и эйфорийной атактии, – во всем многообразии градационных модусов «само-ощущения». «Человек самоопределяющийся» – это ритуализованное бытие, инерционное и рефлексивное. Если в точном (отражающем точку зрения, оценку, суждение) эксплицирующем построении «самоопределяющийся» мыслится мной как расхоже-семантический, постсимулякризованный неологизм, то во втором, принимаемом мной, но весьма условном (позиция допущения) значении «самоопределение» мыслится этической, ценностной установкой, позицией, настроенной на акт чистой совести (не в фигуральном, памятуя Ницше, значении), на искренность суждений и высказываний, желаний, позывов, обнаружения пристрастий и привязанностей, обнаружения ангажированности и влечения, – то есть весь тот рабочий комплект креативного состояния перед актом письма, что и определяется мной как верность теме, заданной покойным В.А. Андрусенко.

12 Барт Р., там же. Удовольствие от текста, с. 464.